

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕКРАСОВЕ

В шестидесятых годах имя Некрасова было окружено таким ореолом, что каждый из нас, людей тогдашнего молодого поколения, жаждал хоть издали взглянуть на любимого поэта, хоть послушать его на литературном чтении, если уж не было надежды увидеть его где-нибудь в обществе. Сравнительно с другими, мне посчастливилось, так как, благодаря благоприятно сложившимся обстоятельствам, мне удалось не только встретиться с Некрасовым, но и довольно близко познакомиться с ним. Но, прежде чем я приступлю к рассказу об этом знакомстве, скажу еще, что и я видела его, или, вернее, слышала, в первый раз на литературном вечере. Говорю - слышала, так как сидела очень далеко и, благодаря своей близорукости, не могла даже разглядеть столь горячо чтимого мною поэта. Он читал на этом вечере свое знаменитое стихотворение "Размышления у парадного подъезда", и, когда он начал певуче декламировать своим характерным хриплым и глухим голосом:

Выдь на Волгу: чей стон раздастся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песнью зовется, -
То бурлаки идут бечевою!.. -

вся зала, казалось, замерла, а у меня потекли безмолвные слезы, и я почувствовала в эту минуту, как зазвучали все струны моего юного шестнадцатилетнего сердца. В настоящее время, когда критическое сознание гораздо более развито в массе интеллигенции, чем тогда, вряд ли даже может быть понятен тот энтузиазм и то преклонение, какими мы были преисполнены к поэту-гражданину, нашему светочу и руководителю, воплощавшему в себе наш идеал писателя. Ни Пушкина, ни Лермонтова мы не любили и не понимали, - они казались нам тогда такими чуждыми, пели о любви к вечной природе, о красивых ножках, один глядя на жизнь оптимистом, а другой - пессимистично, и все это в то время, когда старые идеалы добра и красоты сороковых годов, казалось, совсем уж поблекли и когда на смену им шла новая жизнь с другими требованиями и запросами, когда вместе с уничтожением крепостного права стало некогда и не на что (крестьяне уж оброков не платили) восхищаться красотой, а надо было делать будничное, но нужное дело, когда слово *польза* стояло на первом плане и, конечно, не для себя, а для народа. И с этим-то народом Некрасов впервые познакомил нас и, что самое главное, сумел заставить нас понять и полюбить всех этих Власов, школьников, Арин-солдаток, всех этих баб, замерзающих в поле, ребят, возящих дрова из лесу в шестилетнем возрасте, и, полюбив их, мы горячо привязались и к поэту, который открыл перед нами этот до тех пор почти неведомый для нас мир, и, пристрастные, как всегда бывает в юности, мы вознесли его на недостижимую высоту, перед которой невольно мельчали в наших глазах великие поэты, которых сам Некрасов считал для себя недостижимыми образцами.

Вторично я уж встретилась с Н. А. Некрасовым в доме близких мне людей, а именно у старика Степанова, бывшего издателя сатирических журналов "Искры" и "Будильника"¹. Когда я вошла в гостиную, то Некрасов уже был там и разговаривал с самим Степановым; меня тотчас же ему представили, но я была так поражена неожиданностью встречи, что не сумела даже ничего сказать и молча села в углу гостиной, все время издали поглядывая на знаменитого гостя и стараясь хорошенько разглядеть его. Вскоре, впрочем, ко мне подошли сын Степанова и один из сотрудников "Искры", некий Воронов, автор книги "Московские норы и трущобы"². Сначала я мало говорила и отвечала нехотя, недовольная тем, что мне мешали смотреть на Некрасова, но потом невольно увлеклась спором с Вороновым, который всегда изрекал невозможные парадоксы, и, заспорив с ним, забыла скоро обо всем окружающем, начала страстно и пылко опровергать его. Вдруг около меня раздался знакомый хриплый голос поэта, подошедшего проститься с нами, и я опять так смутилась своей неводержанностью в споре, что могла только молча подать ему руку. Когда он отходил от меня, то довольно громко сказал провожавшему его до передней старику Степанову: "Огонь-барышня, люблю таких!.." Таким образом, и эта встреча почти не может быть названа знакомством с поэтом, так как я не обменялась с ним ни одним словом. Между прочим, вспоминая этот эпизод, я не могу не упомянуть о том, что Некрасов был в таких хороших отношениях со стариками Степановыми, что когда их сыну минуло двенадцать лет ему подарили альбом, то мать мальчика попросила

и его написать что-нибудь в этот альбом, который был сплошь исписан знаменитыми в то время литераторами. Только на двух передних страницах мать мальчика написала прозой, но весьма сердечно, свои пожелания обожаемому единственному сыну. Некрасов, как известно, вообще горячо ценил всегда любящую мать, а С. С. Степанову он, кроме того, и глубоко уважал, как умную и энергичную женщину. И вот в этот альбом двенадцатилетнего мальчика он написал следующее небольшое стихотворение:

Пишите, други! - Начат путь!
Наполним быстро том альбомный,
Но вряд ли скажет кто-нибудь
Умней того, что прозой скромной
Так поэтически сказать
Сумела любящая мать!

17-го ноября 1859 г. Н. Некрасов

Приступая к рассказу о моем знакомстве с Н. А. Некрасовым, я должна прежде вкратце сообщить, при каких обстоятельствах оно совершилось и чем было вызвано. В 1873 году, ровно тридцать лет тому назад, сын историка Устрялов предпринял издание газеты "Новое время"³, редакцию которой поручил довольно известному в то время поэту Н. Л. Пушкиреву. В число сотрудников была приглашена и я для составления журнальных обзоров и библиографических отчетов о вновь выходящих книгах. Газета наша была очень мало известна, шла очень плохо и имела всего 1500 подписчиков, но мы не унывали и надеялись на то, что нам удастся, наконец, завоевать расположение публики. Собственно говоря, я имела мало отношений к остальным сотрудникам и знала только Устрялова и Пушкирева.

Когда я начала писать свои журнальные обзоры, то слава Некрасова была в своем зените, - он стоял тогда во главе "Отечественных записок", и появление каждой его вещи было событием, как для критики, так и для публики. В этом году он печатал в своем журнале отдельными главами свою знаменитую, оставшуюся неоконченной, поэму "Кому на Руси жить хорошо". Когда появилась глава "Последыш", я, конечно, не могла пройти молчанием этой типичной и яркой картины прежнего помещичьего быта и написала о ней восторженный отзыв⁴. Вскоре после того, когда я была на журфиксе у Александра Константиновича Шеллера (Михайлова тож), с которым была хорошо знакома, он вдруг сообщил мне, что Некрасову кто-то указал на мою статейку; он прочел ее и заинтересовался узнать имя автора, так как я подписывалась всего двумя буквами. Когда ему сообщили, что это пишет женщина, то он выразил желание познакомиться со мной, чем я была, конечно, очень польщена. Тем не менее так как мне неловко было явиться к поэту прямо на дом, то, может быть, наше знакомство опять не состоялось бы, если бы не случилось, несколько времени спустя, одного обстоятельства.

Дело в том, что газета наша продолжала иметь так же мало успеха, как и вначале, и наш издатель, затратив на нее большие деньги, не находил для себя возможным продолжать ее издание и стал искать на нее покупателя. Кто-то из литераторов сообщил ему, что Некрасов желает купить газету, а когда он передал об этом редактору, то тот, зная, что поэт желал познакомиться со мною, предложил мне съездить к нему и узнать, действительно ли он желает купить газету и на каких условиях? Конечно, я с восторгом ухватилась за такой прекрасный предлог ехать к Некрасову и поспешила написать ему письмо, в котором спрашивала, когда он может принять меня по делу. Вскоре я получила от него весьма любезный ответ, в котором он назначал мне день и час, когда мог принять меня, и добавил к этому, что давно уже желал познакомиться со мною⁵. Трудно передать словами то взволнованное состояние, в котором я ехала из Лесного на угол Литейного и Бассейной, где столько лет жил Некрасов и где он и умер. До сих пор, после тридцати лет, я помню каждую мельчайшую подробность моего свидания с ним. В первой, большой комнате, через которую камердинер провел меня в его кабинет, стоял посредине большой бильярд, что мне тотчас же бросилось в глаза. Николай Алексеевич принял меня крайне любезно и тотчас же заговорил со мною о моих фельетонах (за это время мне не раз приходилось писать о его стихах)⁶ и сделал это так тонко и деликатно, точно в самом деле считал меня заправским литератором. Меня поразило и тронуло такое внимание к почти неизвестной фельетонистке весьма мало распространенной газеты, и я поспешила заметить ему, что, конечно, он-то уж вовсе не нуждается в моих похвалах. На это он серьезно и с

выражением сказал мне, что напрасно я так думаю, так как его гораздо больше бранят, чем хвалят, искренняя же оценка вполне беспристрастного молодого человека, написанная с таким горячим чувством и непосредственностью, не может не тронуть глубоко человека, измученного жизнью, затравленного недругами и сознающего порой, что его талант идет на убыль. Я тогда уже понимала, что, конечно, местами столь дорогой моему сердцу и уму поэт бывает прозаичен и не всё удается ему, тем не менее автор "Русских женщин", "Коробейников" и "Кому на Руси жить хорошо" был для меня и тогда воплощением истинного поэта-гражданина, и за идею я охотно прощала ему такие ничтожные, по моему мнению, недочеты. Поэтому я начала энергично возражать ему и доказывать, что для большинства молодого поколения он все-таки остался могучим властителем наших дум. Тогда Некрасов с горечью и нескрываемым раздражением заметил, что зато старое поколение готово заживо съесть его, что ему не прощают его популярности среди молодежи и успеха его журнала. Тут только я вспомнила, по какому делу я приехала к нему, и заговорила с ним о газете. Он ответил мне неопределенно, что подумает и даст мне ответ, просил приехать еще, добавив, что ему было так приятно поговорить со свежим человеком, стоящим вне всяких литературных дрязг, сердечно простился со мной и сам пошел проводить меня до передней. После этого посещения мне пришлось еще несколько раз быть у Некрасова, и каждый раз он говорил со мной не только о литературе и о себе, но так же весьма сердечно справлялся о моей семье и о моих литературных занятиях. Помню, что когда я была у него вторично, то он спросил меня, есть ли у меня дети? Я отвечала ему, что у меня есть трехлетняя девочка, которой я часто декламирую его стихи, в особенности "Коробейников", которые она особенно любит, и, когда она хочет, чтоб я прочла ей (я всегда читала наизусть) какой-нибудь отрывок из Некрасова, она всегда говорит мне: "Мама, спой!" Стихи эти она считала песнью. Это ужасно понравилось Некрасову; и он несколько раз повторил мне: "Вот оно, детское-то определение всех выше - "Мама, спой!", - вот вам и высшая похвала для поэта! Значит, ваша крошка умница, и позвольте мне сделать ей подарок за то, что она так меня утешила". С этими словами он встал, взял из шкапа тот том своих сочинений (по тогд. изд. III т.), в котором были помещены "Коробейники", вручил мне его на память, причем извинился, что в данную минуту не имеет первых томов, которые все разошлись.

В другое мое посещение Некрасов, который и раньше всегда весьма подробно расспрашивал меня о том, что я пишу и перевожу, так как я тогда много переводила, узнав, что я начала переводить "La Chartreuse de Parme" Стендаля и намереваюсь написать критико-биографический очерк об этом весьма мало известном у нас писателе, предвосхитившем в этом романе у Ницше тип сверхчеловека в лице будущего картезианца, предложил мне поместить этот очерк в "Отечественных записках"⁷. Позже, когда он узнал, что я начала эту работу и довела ее почти до половины, он сказал мне, чтоб я привезла написанное к нему в редакционный день, причем обещал познакомить меня с Плещеевым, бывшим у него, кажется, редактором литературного отдела⁸. Я так и сделала и привезла ему свою рукопись, но уж виделась с ним тогда не в его кабинете, как всегда, а в большой приемной с бильярдом посередине. Здесь Николай Алексеевич представил мне нескольких из бывших тут литераторов, но я помню только двух - Елисеева и Плещеева, с которым я и переговорила о своем деле.

Мало-помалу выяснилось, что Некрасов не купит нашей газеты, но пока все это не определилось, я продолжала бывать у него, пользуясь всяким к тому предлогом. Так как он был очень занят тогда своим журналом, то, обыкновенно, я заранее спрашивала, когда могу застать его дома. Однажды, помню, я застала его особенно мрачным, - цензурные дела его не клеились, и он откровенно высказал мне это. Не зная, чем его утешить, я стала ему говорить, что придет время, когда все мы прочтем каждую строчку из написанного им, и даже если он не будет жив тогда, то все-таки эта мысль должна теперь поддерживать его душевную бодрость. На это он горько заметил мне, что напрасно я думаю, что каждая строчка его стихов стоит, чтоб ее читали, что он сам знает, что плохой борец и не умеет стойко стоять под грозой. Потом он мучительно сморщился и потер рукой свой большой, открытый глубокой лысиной, лоб и сказал: "Вы юны и восторженны и не знаете, сколько гадости у меня тут (показывая на лоб). Впрочем, ведь вы же слышите, - об этом все говорят, - что я слабый человек и способен спотыкаться". На это я, глубоко тронутая благородством такого самобичевания, тихо произнесла:

Не предали они - они устали
Свои крест нести,

Покинул их дух гнева и печали
На полпути...⁹

Некрасов молча взял мою руку, крепко пожал ее и произнес только:

- Спасибо вам!

В другой раз, когда я была у Некрасова, разговор коснулся нашей критики, и помню, как Николай Алексеевич при этом с горечью стал распространяться о том, как несправедлива к нему критика, как его травят почти во всех журналах, как строго и подчас несправедливо к нему относятся, как не хотят понять того, что он не только поэт, но вместе с тем и журналист и издатель журнала. "Другим, - говорил он, - всё прощают, а мне ставят каждое лыко в строку; дошло до того, что даже листки малой прессы считают себя вправе читать мне наставления". Желая отвести его от неприятных мыслей, я, смеясь, заметила, что ведь он большой корабль, значит, ему и большое плавание, а вот мелким, литературным сошкам, вроде меня, и полемика предъясвляется особого рода; так, Буренин (писал тогда в "Петербургских ведомостях" под псевдонимом Z), например, все стрелы своего остроумия направляет на меня только потому, что я "дама", как он выражается, значит, и писать могу только по-дамски.

На это Некрасов слегка улыбнулся и заметил, что читал эти выходки Буренина и был очень возмущен ими. "Стыдно ему, - добавил он, - такой талантливый человек и вводит такой неприличный тон в критику".

Особенно врезалось у меня в памяти мое последнее посещение Некрасова, перед его отъездом, кажется, в имение на большую охоту, а может быть, и куда-нибудь в другое место, наверное не припомню. Знаю только, что в этот день он был особенно мрачен и не в духе, опять журнальные дела огорчали его. Чтобы прервать это тяжелое настроение, я стала его расспрашивать о том, что он пишет нового, заметив, что мы, молодежь, с таким нетерпением ждем каждый раз появления "Отечественных записок" и прежде всего заглядываем в оглавление, нет ли там его стихов. Обыкновенно упоминание о той популярности, какой он пользовался среди молодежи, всегда действовало на него успокоительно, и он начинал улыбаться и весь как-то расцветал, но на этот раз и это не помогло, он продолжал смотреть угрюмо и нервно пощипывая себе бородку. Тогда, удивленная, я спросила его, не случилось ли с ним чего-нибудь особенно неприятного, на что он с горечью ответил мне:

- Ах вы, восторженная головка, воображаете, что все судят по-вашему, а вот я недавно слышал, что нарождается теперь новый тип - семидесятников, которые говорят, что мои стихи прозаичны и скучны. Да ведь я и сам знаю, что теперь поэтический талант ослабел во мне, что рифма моя стала скудна и стих иногда вульгарен. Лучше всех я понимаю, например, что не совладал с таким чудным сюжетом, как "Русские женщины", и что хотел я сказать многое, но у меня не вышло.

- Умоляю вас, - прервала я его, - не говорите никогда так при мне о "Русских женщинах", Николай Алексеевич, мне больно слышать, как вы клеветаете на себя. Нет, по-моему, тот истинный поэт, у кого вылились такие дивные строки! - И я продекламировала следующие стихи, описывающие свидание Волконского с женой в руднике:

Сергей торопился, но тихо шагал,
Оковы уныло звучали,
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: "Маша!"
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...
Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,

Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенья!
И с криком: "Иду!" я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
"Иду!.." Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я побежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
И только теперь в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его, и готовность страдать!..
Невольно пред ним я склонила
Колени - и, прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

Я кончила, захлебываясь от слез, и это так тронуло Некрасова, что он протянул мне обе руки и сказал: "Нет, вы правы, пока мои стихи будут вызывать такие чувства у людей, они будут истинной поэзией!"

Это было наше последнее свидание; вскоре после того я заболела, потом уехала за границу, многое изменилось в моей жизни, и я больше не видала Некрасова.

Примечания

Александра Григорьевна Степанова-Бородина (1845--1914), урожд. Перетц, была известна своими статьями о воспитании детей, положении женщины. Ее симпатии демократическим идеям 60-х годов отчетливо проявились в рецензиях, критических обзорах, опубликованных в журнале "Дело", в газете "Новое время". Кроме того, она также занималась переводами сочинений Флобера, Стендаля, Мюссе.

А. Г. Степанова-Бородина полемизировала с критикой, враждебно относившейся к Некрасову. В обзоре январской книжки "Отечественных записок" за 1873 год (*НВ*, 1873, No 37) она протестовала против выступлений В. Буренина, отрицавшего художественную ценность "Русских женщин" Некрасова (см. его журнальное обозрение - *СПб. вед.*, 1873, No 27).

В другом обзоре, содержащем высокую оценку главы "Последыш" из поэмы "Кому на Руси жить хорошо", Степанова-Бородина поэзию Некрасова характеризовала в духе радикальных идей своего времени. "Кто из наших поэтов так глубоко прочувствовал и понял русский народ, - писала она, - кто искреннее и честнее относился к нему, кто думает его думами, говорит его языком, плачет его кровавыми слезами, - кто, как не певец скорбей родной земли? Ни одна народная книга, написанная со специальной целью поучать народ, не будет ему так понятна, как "Коробейники" и "Кому на Руси жить хорошо" (*НВ*, 1873, No 61).

Воспоминания Степановой-Бородиной о Некрасове также проникнуты признанием его заслуг перед народом, которые особенно ценились революционной молодежью 70-х годов. Они были прочитаны в начале 1903 года на заседании кружка Русского женского взаимно-благотворительного общества.

Печатается по автографу, хранящемуся в *ИРЛИ* (ед. хр. 14786/ XXVIII, б. 1, лл. 1--6). Публикация в "Литературном наследстве" (т. 49--50, стр. 580--588) сделана с пропусками и ошибками.

¹ Стр. 280. Эта встреча, судя по упоминаемым фактам, могла произойти в 1866--1867 гг. Александра Григорьевна в 1866 г. вышла замуж за сына известного карикатуриста Н. А.

Степанова - Сергея Николаевича. "Искру" Н. А. Степанов издавал (совместно с Вас. С. Курочкиным) с 1859 по 1864 г., "Будильник" - с 1865 по 1871 г.

² Стр. 280. М. А. Воронов - писатель-демократ. Сб. очерков "Московские норы и трущобы" (1866) был издан им в соавторстве с А. И. Левитовым.

³ Стр. 281. Ф. Н. Устрялов издавал "Новое время" в 1872-- 1873 гг.

⁴ Стр. 282. См. стр. 278.

⁵ Стр. 282. Переписка Некрасова с А. Г. Степановой-Бородиной неизвестна.

⁶ Стр. 283. Имеются в виду статьи, опубликованные в газете "Новое время" (1873, NoNo 37, 61). См. вступит, заметку к воспоминаниям.

⁷ Стр. 284. Этот очерк в "Отечественных записках" не публиковался.

⁸ Стр. 284. А. Н. Плещеев с 1872 г. являлся секретарем редакции "Отечественных записок".

⁹ Стр. 285. Строки из стихотворения "Медвежья охота" (1867).